

Наивный и научный эвгемеризм
в работах В. Рожицына 1920–1930-х гг.
(по неопубликованным материалам
и изданным трудам)

Елизавета Г. Брук

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, bruk97@list.ru*

Аннотация. В статье на материале опубликованных работ и архивных документов анализируется интерпретация эвгемерической теории в работах В. Рожицына 1920–1930-х гг. Советский ученый писал публицистические труды, находившиеся в русле антирелигиозной пропаганды того времени. Критикуя христианский культ святых в соответствии с социальными-политическими запросами, автор затрагивал в своих работах ряд важных теоретических и методологических проблем, актуальных для современного религиоведения. В своих работах В. Рожицын пришел к разделению научного и наивного эвгемеризма. Научный эвгемеризм, по мнению автора, был научно-критическим инструментом, который использовали ученые разных эпох, включая самого В. Рожицына. Этот метод позволял находить прототипы мифологических сюжетов в исторических событиях прошлого, за божественным основателем той или иной религии видеть жившего некогда человека. Наивный эвгемеризм, с точки зрения автора, был мыслительным механизмом, характерным для религиозного сознания. Пик наивного эвгемеризма, по мнению В. Рожицына, приходился на II–III вв. Несмотря на то, что с помощью такого разделения автор решал собственные задачи, его интерпретация эвгемеризма помогает по-новому взглянуть на современные методологические и терминологические трудности.

Ключевые слова: В. Рожицын, эвгемеризм, история религиоведения, советская антирелигиозная пропаганда 1920–1930-х гг.

Для цитирования: Брук Е.Г. Наивный и научный эвгемеризм в работах В. Рожицына 1920–1930-х гг. (по неопубликованным материалам и изданным трудам) // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2026. № 1. С. 108–118. DOI: 10.28995/2658-4158-2026-1-108-118

Naive and scientific euhemerism
in the works by V. Rozhitsyn of the 1920s – 1930s
(based on unpublished materials
and published works)

Elizaveta G. Bruk

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, bruk97@list.ru*

Abstract. The article analyzes the interpretation of the euhemeristic theory in the works by V. Rozhitsyn in the 1920s – 1930s. The Soviet author wrote works that were in line with the anti-religious propaganda of that time. Criticizing the cult of saints in accordance with social and political demands, the author studied a number of important theoretical and methodological problems that now are relevant for modern religious studies. In his works, V. Rozhitsyn distinguished between scientific and naive euhemerism. According to the author, “scientific euhemerism” was a critical tool used by scholars of different epochs, including V. Rozhitsyn himself. This method made it possible to find prototypes of mythological plots in historical events of the past, and to see a person who once lived behind the divine founder of a particular religion. “Naive euhemerism”, from the author’s point of view, was a perceptual mechanism of religious consciousness. The peak of naive euhemerism, according to V. Rozhitsyn, was in the 2^d – 3rd centuries AD. Despite the fact that the author solved his own problems with the help of such a division, nowadays his interpretation of euhemerism helps us to take a new look at modern methodological and terminological difficulties.

Keywords: V. Rozhitsyn, euhemerism, history of religious studies, Soviet anti-religious propaganda of the 1920s – 1930s

For citation: Bruk, E.G. (2026), “Naive and scientific euhemerism in the works by V. Rozhitsyn of the 1920s – 1930s (based on unpublished materials and published works)”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 1, pp. 108–118, DOI: 10.28995/2658-4158-2026-1-108-118

Эвгемеризм – общий термин, который объединяет множество различных теорий происхождения религии. Все они основывались на общем методе рациональной интерпретации мифологии и формировались исторически на основании учения греческого философа Эвгемера. Его работы, как и их переводы, были утрачены, и дошли до нас лишь в пересказах позднейших авторов [Сooke 1927, p. 397]. В силу отсутствия первоисточника эвгемеризм уже с античности был достаточно гибкой теорией, которую различные авторы интерпретировали и использовали по-разному, исходя из своих собственных предпочтений и веяний эпохи.

Современные исследователи неоднократно предпринимали попытки классифицировать явления, подпадавшие под этот общий термин, и установить границы понятия. Так, изучая историческое развитие этой теории, Николас Рубекас выделял три «эвгемеризма», которые последовательно сменяли друг друга в ходе истории [Roubekas 2017, p. 2]. Первый из них – «эллинистический эвгемеризм», с точки зрения автора, был сосредоточен на осмыслении способов обожествления живых царей. Почитание умерших правителей играло в этой теории второстепенную роль. Здесь проводилось явное различие между земными или человеческими (олимпийскими) и небесными богами, а главным персонажем, вокруг которого выстраивалось учение Эвгемера, был Зевс [Roubekas 2017, p. 2]. Второй – «раннехристианский эвгемеризм» – концентрировался вокруг «земных богов». Целью этой теории было «показать превосходство христианского Бога» [Roubekas 2017, p. 2], установить «недвусмысленную классификацию всех предыдущих “ложных” религий по сравнению с одной “истинной” религией» [Roubekas 2017, p. 2]. Третий – «новый (modern) эвгемеризм» – был наиболее расширенной версией рассматриваемой теории. Любой случай обожествления мертвых людей, с этой точки зрения, представлял собой эвгемеризм и должен был рассматриваться как таковой [Roubekas 2017, p. 2]. Однако, по мнению автора, следует учитывать, что «мы имеем дело не столько с эвгемеризмом Эвгемера, сколько, как оказывается, с рецепцией его теории уже с античности» [Roubekas 2017, p. 2]. В силу того, что интерпретация эвгемерической теории зависела от эпохи, в которой жил тот или иной автор, уже с античности эвгемеризм был не только методом рационалистического толкования мифологии, но и полемическим инструментом, встроенным в конкретный социально-политический контекст. По-своему эта теория интерпретировалась и применялась в работах отечественных ученых 1920–1930-х гг.

В 1920–1930-е гг. в СССР на фоне широкой антирелигиозной кампании издавалось множество работ, посвященных истории христианства и культу христианских святых [Шахнович 2023]. Среди них были и публицистические труды В. Рожицына (1888–1942). Он защитил диссертацию, посвященную Мишелю де л’Опиталю, в Харьковском университете в 1917 г., а с 1924 г. жил и работал в Москве [Шахнович 2023, с. 168]. Его монографии 1920-х гг. – «Умиравший бог: Происхождение христианского культа страдающего, умирающего и воскресающего бога Иисуса»¹

¹ *Рожицын В.С.* Умиравший бог: Происхождение христианского культа страдающего, умирающего и воскресающего бога Иисуса. [Харьков]: Пролетарий, 1925. 232 с.

(в первом издании «Пасха. Народные и церковные весенние праздники и обряды»²), «Золотая легенда» [Рожицын 1930] (первое издание вышло в 1925 г.) и другие работы – были призваны раскрыть сущность христианства в соответствии с социально-политическими запросами того времени.

В брошюре «Как люди создали бога»³ Рожицын популярно изложил свой взгляд на происхождение и развитие религии, которого, в целом, придерживался в своих трудах. Первобытный человек жил полностью в материальном мире, уповал на магические действия: «...первобытный человек был атеистом. Он не знал богов. Его демоны представлялись ему такими же материальными существами, как весь мир, а магия была колдовством при помощи материального влияния на материальные явления»⁴. С изменением социального строя изменилась и религия. Земледелие и скотоводство заставили человека задуматься о том, как этот мир был сотворен, кто впервые засеял и вспахал поле: «Если древний человек спрашивал себя, кто обработал поле впервые, кто посадил растения, кто родил первых людей, он с уверенностью отвечал, что это сделал тот самый герой, который теперь превратился в демона и живет в своей статуе, а раньше был живым человеком и творил землю, людей и животных»⁵. Уже здесь, в незапамятной древности, раскрылась потребность людей в «очеловечивании» явлений окружающей действительности. Появление богов было связано, по мнению Рожицына, с изменением социальных отношений: «Вера в бога возникает и развивается в связи с переменами в общественных отношениях. Там, где господствует частная собственность, начинает господствовать бог. <...> Единобожие и многобожие развиваются в зависимости от того, каким государственным строем живут люди»⁶. Боги могли специализироваться. Христианские святые покровительствовали определенной местности или сфере деятельности. Вслед за французскими авторами XVIII–XX вв., Рожицын полагал, что святые – наследники богов времен политеизма. На материале римских культов и зарождавшегося в первые века существования христианства почитания святых, Рожицын раскрывал свои взгляды на «христианский» эвгемеризм.

² Рожицын В.С. Пасха: Народные и церковные весенние праздники и обряды. М.: Красная новь, 1924. 196 с.

³ *Рожицын В.С.* Как люди создали бога. Харьков: Тип. Южбюро В.Ц.С.П.С., 1922. 29 с.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 16–17.

⁶ Там же. С. 28.

Автор не выделял раннехристианский эвгемеризм в отдельную категорию, как это делают современные исследователи. Вместо этого он проводил разграничение между научным и наивным эвгемеризмом. Пик наивного эвгемеризма, по мнению автора, приходился на времена Римской империи: «Никогда в истории человечества не была так «очеловечена» религия, как в римскую императорскую эпоху, никогда так сильно не проявлялись в ней антропоморфические стремления. Между людьми на земле и богами на небе установился ряд переходных ступеней обожествленных людей или очеловеченных богов» [Рожицын 1930, с. 125]. Такими «очеловеченными» богами становились римские императоры; святые, епископы, проповедники зачастую воспринимались людьми как единственные, кто имел «привилегию прямого общения с духом Божиим» [Рожицын 1930, с. 125]. В народе «скитались бесчисленные маги-шарлатаны, проделывавшие все чудеса, какие надлежит совершать богам» [Рожицын 1930, с. 125]. Так, наивный эвгемеризм не был научно-критической теорией, а представлял собой характерный способ восприятия действительности людьми того времени.

Рожицын определял эвгемеризм достаточно широко, так же как сейчас Н. Рубекас рассматривает «новый эвгемеризм». Про реалии II–III вв. Рожицын писал: «При таких условиях вполне понятным становится наивный эвгемеризм, который распространился в религиозном сознании людей II–III вв. Эвгемеризм <...> полагает, что все боги являются обоготворенными людьми, что в начале каждой религии стоит человек, основатель города или государства. <...> Тут был и эвгемеризм научный, отрицавший за основателями религий их божественное начало. В самом христианстве были направления, сводившие мифологического Христа к личности живого человека Иисуса. Был и эвгемеризм наивный, тот, который заставил христиан видеть в богах бывших людей, обожествленных после смерти. Боги превращались в людей, и люди превращались в богов с фантастической легкостью или с легкомыслием» [Рожицын 1930, с. 127]. Сознание жителей Римской империи, были ли они приверженцами восточных культов, почитали ли античных богов или исповедовали христианство, по мнению Рожицына, было одним и тем же. Они мыслили одинаковыми категориями, только названия явлений были разными. Это находило отражение в различных обвинениях и спорах. Христиане критиковали наивный эвгемеризм последователей других культов, которые, в свою очередь, порицали наивный эвгемеризм христиан. Рожицын писал: «Наивный эвгемеризм был всеобщим убеждением, разделяемым и язычниками, и христианами. Языческий писатель Порфирий доказывал, что Христос не воскрес, что он спасся от фарисеев,

собрал шайку в девятьсот человек и долго грабил Палестину. Мученик Виктор рассказывал об Аполлоне, что он был простым смертным, совершившим ужасные преступления» [Рожицын 1930, с. 131]. Таким образом эвгемеризм становился инструментом социальной и религиозной полемики и применялся не только христианами, но и последователями других религий и культов.

Рожицын показывал механизм очеловечивания «богов» того времени на примере развития культа святых. Многих из них он назвал «мифологическими» и «легендарными мучениками». Вследствие того, что текст имел явную агитационную и пропагандистскую направленность, автор должен был показать читателю, что образ многих святых складывался постепенно из различных культов, и только затем появилось их житие, они обрели историю своего земного пути и свою человеческую индивидуальность. Так, например, Рожицын считал, что Иоанн Предтеча – «наследник» бывшего духа растительности, апостол Петр – «преемник» Януса, Гермеса и Сераписа. Причину подобных процессов Рожицын описывал так: «Не только крупные центры, но и каждая отдельная община хотела быть основанной апостолом или мучеником, а каждая церковь должна была быть надгробным памятником над мощами мученика, погибшего именно на том месте, где стоит церковь» [Рожицын 1930, с. 12–13]. Желание сохранить доказательства земной жизни святых привело к появлению почитания мощей. Не только простые верующие, но и представители клира в то время находились во власти «наивного эвгемеризма». С точки зрения Рожицына, он использовался церковными институтами как политический инструмент. Например, описывая житие мученика Климента, автор замечал, что история обретения его мощей, прижизненная ссылка в Херсонес давали повод для политических притязаний. С помощью жития святого, с точки зрения Рожицына, пытались «доказать, что славянскую страну впервые просветил римский папа, и что поэтому он имеет над Восточной Европой верховные права» [Рожицын 1930, с. 38].

Рожицын писал свои работы в разгар кампании по вскрытию мощей [Шахнович 2023], отсюда и его критические замечания в адрес культа святых и почитания реликвий. Чтобы наглядно показать «наивность» представлений ранних христиан и средневековых верующих, Рожицын специально выбирал и описывал курьезные истории на эту тему. Про традиции захоронения первых христиан на территории Африки автор писал: «...христиане считали сохранение трупа каждого умершего в виде мощей обязательным условием правильного погребения. <...> При помощи приемов, усвоенных от египтян, каждого христианина превращали после смерти в мощи и клали в хорошо защищенном месте. Вокруг гробницы епископа

Киприана образовался целый некрополь, христианское кладбище, наполненное консервированными трупами. <...> Не зная о древнем обычае искусственно готовить мощи, средневековые христиане верили, что трупы не разложились вследствие праведной жизни и мученической кончины их бывших владельцев» [Рожицын 1930, с. 175]. Так, по мнению Рожицына, появились многие реликвии, которые теперь находятся в Европе.

Другой пример, который не раз приводил Рожицын в своих трудах, касался культа животных: в Вероне на протяжении долгого времени почитали останки осла, на котором Иисус въехал в Иерусалим. Это расхожий пример, которым пользовались французские просветители и другие более поздние авторы, был описан Франсуа Максимилианом Миссоном в работе «Новое путешествие в Италию». Его использовал Вольтер при написании «Философского словаря» со ссылкой на Миссона⁷, что, возможно, и послужило решающим фактором при выборе сюжета. В «Золотой легенде» В. Рожицына этот список авторов, упоминавших «веронского осла», был дополнен именем Пьера Сетива (Эмиля Нурри), описавшего путешествие останков почитаемого животного во второй половине XIX в. в Вену [Рожицын 1930, с. 24]. Рожицын знал еще одного французского автора XIX в., который упоминал этот пример. Это был Ж.О.С. Коллен де Планси. Однако в своих опубликованных работах советский ученый не упоминал фамилии этого известного автора.

В архиве Государственного музея истории религии хранится документ, который, по мнению М.М. Шахнович, являлся написанной Рожицыным заявкой на публикацию перевода «Критического словаря реликвий и чудотворных образов» (далее – «Критический словарь») Ж.О.С. Коллена де Планси, созданной в период 1929–1942 гг. во время работы Рожицына в Центральном антирелигиозном музее [Шахнович 2023, с. 168]. Документ не имел даты и адреса и по содержанию мог служить как заявкой, так и, возможно, небольшой статьей⁸. Автор текста обосновывал важность знакомства публики с «Критическим словарем» в целях антирелигиозной пропаганды, процитировав несколько выдержек из работы Коллена. С помощью описания «курьезов» и «наивного эвгемеризма» христиан средних веков и нового времени, автор пытался передать читателю свою мысль. Страницы выдержек в точности совпадают с французским изданием 1820-х гг. Это означает, что «Критический

⁷ *Voltaire*. Dictionnaire philosophique. Tome premier. P.: Chez l'editeur, 1822. P. 371–373.

⁸ Научно-исторический архив Государственного музея истории религии. Ф. 31. Оп. 1. Д. 232.

словарь» на русский язык так и не был переведен. Среди примеров, выбранных Рожицыным для демонстрации значимости работы Коллена, встречался уже упомянутый осел из Вероны. Интересно, что в «Критическом словаре» это далеко не единственное «святое» животное. В тексте Коллена фигурировали овцы, олени, собаки и др.⁹, среди которых осел из Вероны был не самым показательным примером. Однако, в силу своей узнаваемости, этот сюжет был вновь выбран в качестве наиболее показательного. В работах 1920-х гг. Рожицын писал про «осла-апостола», возводя свои теоретические построения к линии Миссона-Вольтера-Сентива. Поскольку материал у всех четырех авторов был одинаковым и ссылки на работу Коллена в изданных трудах Рожицына отсутствуют, невозможно однозначно определить, читал ли советский автор «Критический словарь» при написании работ 1920-х гг., или познакомился с этим текстом лишь позднее, во время работы в Центральном антирелигиозном музее.

Кроме «курьезов», в заявке даны выдержки из описания культа двух святых, Гиньоле и Фиакра. Через них Рожицын критиковал «наивный эвгемеризм», очеловечивший приапический культ. Сами выдержки, как и в случае с ослом, были лишены того контекста, в котором они появлялись в «Критическом словаре». Рожицын опустил как описания самого «нечестивого» культа, так и описания житий святых. Следует отметить, что в тексте Коллена чаще всего личность самих подвижников не является мишенью критики, он не одобрял лишь то, что считал суеверием – особенности культа.

Рожицын описывал Коллена как автора, следовавшего за французскими просветителями. Однако Коллен не был радикальным критиком религии [Брук 2024]. Он симпатизировал протестантским авторам, идеям эпохи Просвещения о «естественном» человеке. Взгляды Коллена на религию перекликались и с деистическими идеями, и с концепцией первоначального монотеизма. В «Критическом словаре» французский автор противопоставлял простоту проповеди Иисуса и пышность культа католической церкви, подчеркивая, что целью его работы являлась не критика религии, а просвещение и борьба с суевериями. Религия, по мнению Коллена, должна быть проста, свободна от предрассудков и излишней пышности культа [Брук 2024, с. 107]. Рожицын, описывая биографию и труды французского интеллектуала, в своей неопубликованной статье создал образ радикального автора, наследника идей просветителей, который, демонстрируя «наивный эвгемеризм»

⁹ *Collin de Plancy J.-A.-S. Dictionnaire critique des reliques et des images miraculeuses. Par. Tome premier. P.: Guien et Compagnie, 1821. P. 23–51.*

христиан, критиковал культ святых, а, через него, и само христианство. Этот образ соответствовал тому контексту, в котором писал Рожицын, и во многом был далек от взглядов на религию самого Ж.О.С. Коллена де Планси.

Научный эвгемеризм, по мнению Рожицына, представлял собой критический метод интерпретации мифологического компонента и сведение чудесных биографий к реальным историческим событиям прошлого, отрицание божественности основателя той или иной религии или культа. Очеловечивание богов было столь же распространенным явлением в истории мысли, как и обожествление людей в обыденном сознании. Рожицын недвусмысленно намекал на то, что поиски исторического Иисуса являлись классическим примером научного эвгемеризма. Сам автор полагал, что это лишь мыслительный конструкт, и образ Иисуса может стать понятнее лишь в контексте сравнительных исследований с привязкой к социально-экономической основе¹⁰. Рожицын сам в отдельных случаях использовал «научный эвгемеризм» как критический метод. Например, при анализе культа святого Георгия, автор настаивал на том, что житие некогда действительно существовавшего человека по имени Георгий слилось с бытовавшими в первые века мифологическими представлениями¹¹. Папа Геласий «счел житие Георгия неподобающим и заменил его ныне существующим в житиях литературным произведением»¹².

В 1930-е гг. Рожицын не публиковал новых монографий по культуре святых и постепенно оставил эту тему. Научный и наивный эвгемеризм, критика почитания мощей и реликвий – все отошло на второй план. В научно-историческом архиве государственного музея истории религии хранятся документы 1930-х гг. Среди них, например, есть стенограмма лекций по истории средневекового мирозерцания 1938 г.¹³ В 1920-е гг. Рожицын иногда затрагивал этот период в своих текстах, анализируя механизмы появления культа святых. Однако лекции 1938 г. имели совершенно иную направленность. В них акцент сделан на социально-политическом аспекте, в качестве «курьезов» приведены средневековые схоластические споры. Тема святых, их культа, мощей в лекциях не упоминалась, наивный эвгемеризм как особенность раннехристианского и, затем, средневекового мышления был забыт. Это было связано с изменением социально-политической обстановки и основной линии антирелигиозной кампании.

¹⁰ *Рожицын В.С.* Умирающий бог...

¹¹ Там же. С. 120–122.

¹² Там же. С. 121.

¹³ Там же. Д. 276.

Таким образом, несмотря на публицистический характер работ, В. Рожицын затрагивал в них целый ряд важных теоретических и методологических проблем. Исследуя становление культа святых, автор пришел к разделению научного и наивного эвгемеризма. Первый служил научно-критическим инструментом для различных ученых, включая самого В. Рожицына. Второй, по мнению автора, был мыслительным механизмом, характерным не только для сознания ранних христиан, но и их современников-политеистов. Такой вывод ставит под сомнение устоявшееся представление о специфическом характере «раннехристианского эвгемеризма» и раскрывает новые перспективы в изучении развития этого метода интерпретации мифологии в истории европейской культуры. Поскольку работы В. Рожицына носили публицистический характер, они зависели от социально-политического контекста. Темы, актуальные для 1920 – начала 1930-х гг., к концу третьего десятилетия XX в. потеряли свою актуальность. На смену пришла другая политическая повестка, требовавшая от автора иных методов и тем исследования.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта РФФ № 24-28-00517 «Редационный портфель»: научные исследования в области истории религии и религиозной философии в 1920-е–1930-е гг. в СССР и редакционная политика научных изданий»

Acknowledgements

The research is supported by a grant of the Russian Science Foundation, project № 24-28-00517 “ ‘Editorial portfolio’: academic research in the field of the history of religion and religious philosophy in the 1920s – 1930s in the USSR and editorial policy of academic publishing”

Литература

- Брук 2024 – Брук Е. Г. Эвгемеризм во Франции XVIII–XIX вв.: научный метод или полемический инструмент (казус Ж.О.С. Коллена де Планси) // Религиоведение. 2024. № 3. С. 103–109.
- Рожицын 1930 – Рожицын В.С. Золотая легенда: Книга о святых мучениках. М.: Безбожник, 1930. 256 с.
- Шахнович 2023 – Шахнович М. Культ святых в антирелигиозной пропаганде и исторической науке в СССР в 1920 – начале 1930-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. № 1 (41). С. 151–177.
- Cooke 1927 – Cooke J.D. Euhemerism: A Mediaeval interpretation of classical Paganism // Speculum. 1927. Vol. 2. Iss. 4. P. 396–410.

Roubekas 2017 – *Roubekas N.P.* An ancient theory of religion: Euhemerism from Antiquity to the present. L.; N.Y.: Routledge, 2017. 190 p.

References

- Bruk, E.G. (2024), “Euhemerism in France of the 18th – 19th centuries: A research method or a polemical tool (the case of J.A.S. Collin de Plancy)”, *Religiovedenie*, no. 3, pp. 103–109.
- Cooke, J.D. (1927), “Euhemerism: A Mediaeval Interpretation of classical Paganism”, *Speculum*, vol. 2., iss. 4, pp. 396–410.
- Roubekas, N.P. (2017), *An ancient theory of religion: Euhemerism from Antiquity to the present*, Routledge, London, UK, New York, USA.
- Rozhitsyn, V.S. (1930), *Zolotaya legenda: Kniga o svyatykh muchenikakh* [The Golden legend: The book of the Holy Martyrs], Bezbozhnik, Moscow, USSR.
- Shakhnovich, M. (2023), “The cult of saints in anti-religious propaganda and historical science in USSR in the 1920s – early 1930s”, *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 41, no. 1, pp. 151–177.

Информация об авторе

Елизавета Г. Брук, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; bruk97@list.ru

Information about the author

Elizaveta G. Bruk, Cand. of Sci. (Philosophy), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; bruk97@list.ru